

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: «Нарвал». Глава 7 (отрывок из произведения)

Обращение к читателю. Перед вами — глава из довольно объёмного фантастического... хм, романа, что ли, написанного в соавторстве с Нико. Не уверена, место ли ему здесь, потому что эротике там отводится не так уж и много места, так что эта глава — пробный камень, вполне возможно, что так и останется здесь таким вот оторванным куском. Решать вам.

Глава 7.

Эрик Ланге.

Соблазнительные округлости задницы Риз плавно покачиваются прямо перед моим лицом, пока мы пробираемся по шахте, лавируя между проводами, горами непонятого металлического мусора и Сеть знает чем ещё — и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы совершенно по-ребячески её не цапнуть. С колоссальным удовольствием отвесил бы ей хорошего шлепка, но увы — руки сейчас нужны мне для того, чтобы балансировать, цепляться, хвататься, опираться и делать множество других важных и полезных вещей. А жаль — кажется, мне сейчас органически необходимо облапать лейтенант-коммандера, а то и вовсе стащить с неё комбинезон, закинуть на стол и драть на протяжении часов так четырех-пяти, прерываясь только на перекуры, кофе, и, возможно, на пожрать.

Каким-то чудом мне удастся прервать поток приятной мыслительной деятельности до того, как я начну прочерчивать членом следы на стенах. Я слышу знакомое имя, и брови ползут вверх. Жаль, что Риз этого не видит, это явление происходит реже солнечного затмения на матушке-Земле — не то чтоб я совсем уж неэмоционален, просто мимика у меня бедновата, с моим лицом только в покер играть.

А, мы уже пришли?... Девушка выбрасывает своё тело в люк, словно пушечное ядро, движением, которое я, собственно, только в играх про морпехов-то и видел, и никогда даже не думал о том, что увижу вживую. Я уже даже не пытаюсь её остановить — Риз всё равно сделает всё по-своему, и, в общем-то, это одна из тех вещей, которые и делают её для меня привлекательной. Всё, что мне остается — это ждать, пока она известит меня о том, что подниматься безопасно, и лейтенант-коммандер не особенно медлит.

Камбуз несколько напоминает мне мою собственную кухню, и это, конечно, не повод для гордости, но заставляет как-то несколько расслабиться, выдохнуть и расправить плечи. Стыдно признаться, но в ту секунду, когда я вижу пирог, мой живот сводит болезненной судорогой, и он издает громоподобное урчание. Чёрт, вот надо, надо бы поесть. Война войной...

— Риз, не самое подходящее время, но... мы недалеко от жилого отсека, так?

Не уверен, что она поймет намёк, но у меня есть небольшая... ну, своего рода идея. Возможно, она будет смотреть на меня, как на полного психопата, но, если я прав и мы с неизвестным декером мыслим более или менее одинаково, а если ещё и учесть то, как он выражает свои мысли... Я собираю по всему камбузу пустые одноразовые стаканчики, обрывки фольги — всё, что угодно, что можно разорвать на небольшие полоски и использовать в качестве письменного материала. На создание своего персонального шедевра у меня уходит пара минут, но результат оказывается вполне удовлетворительным — теперь рядом с тортом красуется сложенная из чего попало записка, гласящая: «AFK».

— Это выиграет нам немного времени.

Я провожу тыльной стороной ладони по лбу, оставляя на нем грязную полоску, и смотрю на Риз. Кажется, я улыбаюсь.

— Лейтенант-коммандер, я ни на что не намекаю, но ты, часом, родилась не на небольшой фермерской планете?..

Надеюсь, она оценит шутку — хоть она и была на грани фола, я честно это признаю. У меня слишком хорошее настроение для того, чтобы сдерживать хлещущее через край остроумие, даже несмотря на то, что несколько минут назад я едва не потерял Риз. Во-первых, не потерял. Во-вторых, она не только очаровашка и трахается, как дикая пума, если такое сравнение может быть хоть сколько-нибудь уместно, так ещё и неплохо разбирается в фантастах двадцатого века. Удивительное сочетание. Думаю... да, думаю, я хотел бы провести с ней больше времени, когда всё это закончится. Что я там говорил в самом начале этого безумного дня, снять капсульный отель на ночь? Беру каждое свое слово обратно. Не капсульный, а нормальный. И не на ночь, а на неделю, если не на месяц. Валяться, поедать пиццу в промышленных масштабах, запивать вискарь пивом и трахаться. Трахаться много, качественно, вдумчиво и со вкусом.

Тай Риз.

Риз! Я вздрагиваю, моё тело реагирует на имя даже раньше, чем я осознаю, что именно произнёс Эрик. Это как условный рефлекс, я слышала, так тренируют собак, а человек в этом плане не очень-то и отличается. Наверное, будь у меня хвост, завиляла бы — опять же, повинуюсь рефлексу. Не от радости.

Потому что чуда не происходит. Я узнала имя, и отозвалась, но в голове, в памяти, всё так же ощущаются червоточины, и заполняются внезапно нахлынувшими по мановению волшебной палочки воспоминаниями не собираются даже и близко. Риз-до-гипера и Риз-после-гипера — две разные Риз, одинаковые по форме, но очень отличные по содержанию.

Копаясь в себе, или, говоря языком техническим, тестируя систему, я совершенно не реагирую на бурную деятельность Эрика, вернее, я её вижу, приходится быть внимательной, если не хочешь вновь угодить в ловушку, но цель его передвижений остаётся за скобками. И только когда на столике вырисовывается блестящее всеми цветами радуги короткое словечко из терминологии компьютерщиков, понимаю, что к чему.

— И ты всерьёз думаешь, что это для него так важно, чтобы отложить свои безумные планы? Ну... Ладно. Тебе видней.

Хочется добавить ещё что-нибудь вроде «рыбак рыбака», в том смысле, что психу проще понять мотивы другого психа, но... Но мне нравится этот план. Гадство, надеюсь, Эрик сейчас не заметил разочарования на моём лице, из-за облома с именем, иначе примет на свой счёт. А, собственно, почему бы и не объяснить, не оставляя места для домыслов?

— Знаешь, я ведь имя забыла. Своё. Думала, если вспомню, то и всё вернётся сразу. Глупо, наверно. Это как дети придумывают себе всякую чушь и сами в неё верят, вроде не наступать на стыки плит на полу, а то кто-то умрёт, или через ноги кому-то не переступить, не то не вырастет... Ну, в общем, облом.

Так, получилось. Хотя в какой-то момент голос сдал, ну да он и так звучит сейчас не очень. Оказывается, говорить о таком вслух сложнее, чем просто думать. Да, в конце концов, что такого со мной страшного-то? Пока что, кроме заминки с люком, ничего плохого не произошло.

Ладно, меньше лирики, взять себя в руки! Эрик, рядом с тобой я, кажется, становлюсь

слабой. Не в плохом смысле, нет... Скорее, из бронированной ракушки со знаками различия лейтенант-командера выглядывает на свет Риз-женщина. Непривычно. По-своему приятно. И очень не вовремя.

Мы на камбузе, здесь же должны быть какие-то ножи... Вилки, в конце концов! Всё, что сойдёт за оружие. По-моему, Эрик уверен, что до рукопашки не дойдёт. А вот я — нет. Мне будет спокойнее, если у меня под рукой будет что-то, способное организовать нашему психу пару лишних дырок в организме. Хотя я сильно сомневаюсь, что тут есть какие-то кухонные приборы, кроме микроволновки...

Есть. Ложки, пластиковые. Шикар-рно. Может, псих всё спрятал? Да нет, откуда у него столько времени, чтобы настолько хорошо подготовиться к встрече? Если только спрятал ещё раньше, не от нас...

Я подхожу к шкафчику, поворачиваю ручку, тяну на себя плотно закрытую дверцу — грустить лучше с полным желудком, а пирожок подарочный я трогать отказываюсь, мало ли, может, он чем пропитан, ядом не ядом, а вот слабительного псих туда мог запросто сыпануть. Наугад нахватав банок из корабельных запасов, я пихаю Эрику в руки упаковку «колы» и улыбаюсь.

— Насчёт фермерской планетки. Я родилась на станции около звезды ВО-12031925, ничем не примечательного красного карлика, даже имени своего не имеющего. Но жители станции звали его Гаррисон. Мало кто задавался вопросом, почему, ну звали и звали. А я как-то полезла в поисковик, и выяснила, что номер звезды совпадает с днём рождения одного писателя. Ну и... понеслось. Кстати, ты чем-то похож на Дин Альта. Здорово, что тоже читал, твоя шутка дошла до адресата. Пошли, найдём себе гнездо, если я хоть что-то понимаю в логике постройки кораблей, каюты экипажа где-то рядом. Первый же из двух люков, находящихся в противоположных стенах камбуза, выводит нас в холл, а тот, в свою очередь, ветвится коридорами. Я сворачиваю в тот, что ведёт в направлении носа корабля, держа в правой руке банку с колой — хоть какое-то оружие.

Эрик Ланге.

Я почти физически ощущаю боль Риз — её голос предательски подрагивает, хоть она и пытается никак этого не показывать. Она сильная, очень сильная, но сейчас мне хочется просто повернуться к ней спиной, опуститься на колени, подхватить наверняка не ожидающего такого поворота лейтенант-командера под коленки и дотащить на себе до самого края галактики, если понадобится, а когда дотащу — закутать её в тёплый, пушистый плед и всучить в руки чашку дымящегося горячего шоколада. Или нет, даже не так — если бы этим краем галактики оказалась Земля, то я притащил бы её в свою холостяцкую берлогу, раскидал бы завалы мусора по углам, оставил бы журналы с порнушкой на их обычном месте, Риз все равно полезла бы их искать и нашла бы, я совершенно уверен, и всучил бы ей свой раритетный красный махровый халат. На голое тело. Чёрт побери, да.

Риз наблюдает за мной слегка недоверчиво, но скорее по-забавному недоверчиво, нежели по-обидному. Для меня эта разница в оттенках весьма ощутима, как ни странно — и я рад тому, что лейтенант-командер просто не понимает чего, когда не понимает чего, а не отрицает что-то, когда этого чего-то не понимает. Мои мысли слегка путаются от понемногу накрывающего меня охотничьего азарта, но в этом тоже нет совершенно ничего страшного, и на какое-то время я погружаюсь в раздумия о том, что, если этот финт ушами сработает — у меня в кармане есть ещё пара-тройка фокусов, которые позволят уже мне строить ловушки для нашего маленького приятеля, и вот тогда...

Я чувствую, как к моей коже прикасается что-то холодное и металлическое, и поднимаю на птичку недоуменный взгляд. Кола?... Великая Сеть, кола! Да я два года её не пил, если подумать — в торговых автоматах на станциях она была, конечно, но ни разу не заинтересовывала меня настолько, чтобы я её купил. Ну, кола и кола, казалось бы, что я её, на Земле ни разу не пробовал? Но вот сейчас, в этом раздолбанном в ничто камбузе корабля, зависшего посреди неизвестности, упаковка колы воспринимается как доказательство того, что мир вокруг меня полностью реален. Даже если бы я и правда тронулся, если бы я и правда нафантазировал себе всё, что произошло за это время, задремав на скамейке станции с неизвестным названием — я уж точно не придумал бы в этом шкафчике упаковку газировки. Скорее всего, там был бы одинокий и всеми забытый плазмомёт.

Я спешу вслед за лейтенант-командером, петляющей по коридорам, ныряющей под переборками, ведущей меня в... да я не знаю. Куда бы Риз ни шла — мне нужно держаться у неё за спиной, следуя за ней незримым, молчаливым, самую малость саркастичным призраком Сети. Потому что кто-то же должен присматривать за этой птичкой — и не только присматривать. Иногда кто-то должен взъерошить перья шевронов, чтобы посмотреть, что под ними скрывается. И пока мне нравится то, что я вижу.

Тай Риз.

Казалось бы, заблудиться на относительно небольшом транспортнике невозможно: вот нос, вот хвост, чеши прямо вдоль оси да никуда не сворачивай. Ан нет. Корабль по форме похож на сигару, а в поперечном сечении на... Апельсин в апельсине, что ли. Переборки — рёбра жёсткости, не позволяющие конструкциям сложиться. Гравитация — от центра к краям, обеспечиваемая центробежным вращением корабля, системой силовых установок и чёрт знает чем ещё, я не инженер. Так что верх и низ тут относительны, а весь корабль — такой себе мир наизнанку, тот ещё массараکش, как говорил наш преподаватель по лётному делу. Поэтому наше блуждание несколько хаотично, при этом я умудряюсь держать уверенное лицо, так что, думаю, Эрику кажется, будто я знаю, что делаю. Обязательное качество хорошего командира — вселять в подчинённых уверенность своим видом, даже если вообще не при делах, что за хрень происходит. Надеюсь, у меня получается.

По пути мы наткнулись на лифт, ведущий на грузовую палубу, разумеется, не работающий, запёртый люк с табличкой «медотсек», и склад с какими — то ящиками, которые я решила проверить потом. Кстати... Эта простая мысль не приходила мне в голову: что, если каюты запёрты? На линкоре этого, разумеется, не было, а вот на станции жилые помещения имели замки — не столько для сохранности вещей, сколько для приватности. Выражение «мой дом — моя крепость» не теряет актуальности, даже если всей крепости — двадцать квадратных ярдов жилой площади на семью. И что тогда? Искать кают-компанию, на ней-то замка точно не будет, да только вот незадача: мой организм деликатно (пока!) намекает, что в дамской комнате я в последний раз была ещё в баре на станции... Остальное — не беда, спать я могу и на полу в коридоре, с Эриком по очереди, хотя я предпочла бы совсем не сон, во всяком случае, не сразу.

Мы, пожалуй, всё-таки психи. Вместо того, чтобы искать рубку управления, и хотя бы узнать, не летим ли напрямик в звезду, или выяснять, что именно произошло с кораблём и экипажем, ищем безопасный угол, чтобы уйти в «AFK». Самое смешное, что сейчас я рассчитываю на нашего психа: мне кажется, что, пока они с Эриком не закончат свою странную игру, он присмотрит за «нарвалом». Бред? Да, как и всё происходящее. Интересно,

понимает ли это Эрик.

За очередной перегородкой — два ряда овальных люков с табличками. Фамилии и должности: Паркер, главный инженер, Томпсон, механик, Диксон, штурман. Табличка на четвёртой сорвана. Странно. Но не более странно, чем всё остальное.

Не знаю, почему, но я тяну за ручку именно эту дверцу. И даже не удивляюсь, когда она поддается, и люк открывается.

Наверное, нужно бы вести себя как-то иначе: уходить с линии возможного огня, вламываться рывком, или, наоборот, осторожничать. Но всё, что я делаю — принимаюсь. Не удивлюсь, если там, за дверью, гниёт тело кого-то из членов экипажа. Честно говоря, как раз чего-то подобного я и ожидаю. Но... Ничем таким не пахнет. На всякий случай я пробую открыть соседние двери — они ожидаемо заперты.

— Знаешь, сдаётся мне, что мы нашли нору нашего зверя, — говорю я Эрику. Случайность? Возможно. Но, в любом случае, туда стоит заглянуть, хотя бы чтобы понять, что за человек наш капитан Немо. Хм... А почему бы и не называть его именно так?

Открыв дверцу шире, я переступаю порог.

Каюта похожа на... эскиз каюты. Чёрно-белый набросок жилого помещения, где есть всё необходимое, но нет главного — души, или лица, если угодно. Возможно, я ошиблась с выводами, и каюта пуста и не заперта по той простой причине, что занимавший её ранее член экипажа покинул корабль ещё до начала... чего бы то ни было, или вообще помер. А комнатёнку прибрали и приготовили для нового обитателя, которому повезло так никогда и не появиться?

Открыв одну из двух дверей (на этот раз именно дверей, простых пластиковых прямоугольников, отодвигающихся в сторону, а не открывающихся на петлях, для безопасности и экономии пространства, их единственное предназначение — отделять, разгораживать), нахожу за ней подтверждение теории: пустой шкаф. За второй — о, счастье! Крохотная душевая кабинка, раковина размером с суповую тарелку, зеркало над ней, и мой долгожданный белый друг. Надеюсь, Эрик закончит обыск комнатки без меня, потому что у меня появились дела поважнее.

Комбинезон приходится снимать почти полностью — причём материть тех, кто его придумал и сшил, не за что, он не предназначен для того, чтоб ходить в нём часами. Шлем и фонарь — на пол в углу, мебели здесь нет вообще, даже полочки — что логично, кому надо, чтобы в случае остановки движка шампунь и мыло летали по помещению? Интересно, а вода-то есть? Хлопнув крышкой, убеждаюсь в том, что таки да — ответом служит шум, и это радует просто невероятно, потому что на кабинку душа я смотрю, как на врата рая, от которых апостол Пётр отошёл покурить, открывая лазейку маленькой грешной мне. В конце концов, лишние десять минут, которые я потрачу на то, чтобы смыть с себя пот и грязь, вряд ли что-то решат, правда? Стащив комбез и ботинки окончательно, стою перед зеркалом, изучая свою шею, на которой живого места нет — пятнышки, которые оставили губы Эрика, наискось пересекает багровый след от удавки. Глаза красные, волосы... О них вообще промолчу. Такого монстра не трахнуть, а добить хочется, чтоб не страдал. Хорошо, что лампы здесь ожидаемо не горят, только мой фонарь. Отодвинув в сторону прозрачную дверцу душевой, трогаю клавишу активатора пара — тратить много воды, пусть и рециркулируемой, глупость, а потому в кораблях и на станциях кабинки работают в двух режимах, и я, на уровне рефлексов уже, выбираю экономный. Работает! Мимоходом замечаю, что на прозрачном пластике нет присохших следов мыльных

брызг. Даже странно: уборка уборкой, но чтоб на транспортнике жили прям такие аккуратисты? А был ли мальчик, тот самый пропавший член экипажа, или капитан изначально экономил на ставке?

— Эрик, я в душ, — говорю сквозь дверь, удивляясь, как странно звучат эти слова. Как-то... по-домашнему, что ли. Я совершенно не помню, как и где жила на «Светоносном», это тоже в моей «тёмной зоне», раз я офицер, видимо, своя каюта у меня таки была. А вот до того, пока служила на «Зетсубу», крейсере, где места поменьше, мы с девчонками ютились в кубрике вчетвером. А ещё раньше — кадетский корпус, до того — приют... Кажется, понятие приватности мне слабо знакомо. Мои коротенькие романы были похожи на перекус фастфудом на бегу — однокурсник или сослуживец, те самые упомянутые Эриком капсульные отели. Романтики — ноль. Планов, собственно, тоже. «Живи быстро». Если б я решила сделать тату, наколола бы именно эти два слова.

А что с Эриком? С ним мы хлебнули романтики столько, что вот-вот из ушей потечёт. Пробежаться по грани миров, спасти тысячи жизней, увидеть гипер, прокатиться на призраке, заняться лучшим сексом в моей жизни... Чёрт, так и влюбиться недолго. Правда, в кого? За всей этой безумной беготнёй мы едва сотней слов обменялись. Я не знаю о нём ровным счётом ничего, даже фамилии. Разве что Гаррисона он читал. С какой он планеты? Какую музыку слушает? За что попал в штрафники? Какой у него, чёрт возьми, любимый цвет? Предпочитает кошек или собак, блондинок или брюнеток?

А какая разница?

Эрик Ланге.

Каюта напрочь лишена какой бы то ни было индивидуальности. Вмонтированные в стену кресло и стол, идеально чистый пол, заправленная с хирургической точностью и блистающая белизной койка. Никакой тебе ширмы, за которой спрятана высокотехнологичная и суперсовременная консоль, никакой доски с непонятными надписями и моей фотографией в центре, намертво зафиксированной тяжёлым армейским ножом — одним словом, это помещение совершенно не выглядит местом обитания повёрнутого злодея-психопата.

Кажется, мы только что добрались до своего рода чекпойнта. Я не исключаю вероятности того, что каюта была осознанно прибрана к нашему появлению, избавлена от всего, что могло бы сделать её особенной — для ощущения стандартной комнаты-для-сохранения в любой видеоигре не хватает только массивного контейнера в углу, куда мы с Риз могли бы сложить все ненужные вещи. И если это так — думаю, я начинаю понимать логику нашего предполагаемого противника.

Закончив с тщательным изучением подкроватного пространства — я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что там что-то прячут исключительно в плохих детективах и видеоиграх, отсутствие в которых хорошего сценариста сильно бросается в глаза, но всё же — я поворачиваюсь к Риз, чтобы выразить ей все своё разочарование. Риз нет. На долю секунды меня охватывает паника: кажется, я слишком привык к присутствию лейтенант-командера рядом, и стоит мне потерять её из виду хотя бы на секунду в мало-мальски опасной обстановке — тут же начинает казаться, что произошло что-то ужасное и непоправимое.

Мой персональный миг слабости длится сравнительно недолго — вплоть до того момента, когда я слышу знакомый шум совсем рядом. А, точно. В каютах же должен быть душ. Я говорю «должен», потому что, честно говоря, понятия не имею, что там вообще должно быть. Свои два года отработки долга перед обществом я спал практически на рабочем месте —

намертво приваренной к стене кровати с выцветшим коричневым покрывалом и далеко не первой свежести подушкой, украшенной откровенно блевотного цвета штампом.

Собственность корабля, мать его. Будто бы кому-то придёт в голову проникнуть на эту гору летающего мусора и выкрасть сей чудный артефакт.

Младший состав персонала принимал душ в общем... помещении, давайте назовём это так. Я провёл за решёткой всего неделю, пока самый гуманный и справедливый суд решал, служба на каком ведре с гипердвигателем будет для меня наиболее унижительной, но круг почёта по основным достопримечательностям мест лишения свободы я совершить успел.

Общественный корабельный душ до боли напоминал мне тюремный: недружелюбные небритые физиономии вокруг, вода, которая, будучи хоть трижды восстановленной, всё равно выглядит ржавой и немилосердно чем-то воняет...

Короче, никакого личного пространства я на том транспортнике не чувствовал. Я нахожу эту ситуацию довольно ироничной: меня сослали познавать человеческое общество в место, где я никак не мог от него абстрагироваться, но вместо развития какой бы то ни было к нему симпатии я разве что проникся к нему определенным брезгливым презрением. Хорошо, что Риз отличается от всех этих обезьян — не знаю, что бы я делал, окажись сейчас заперт на этом призраке с каким-нибудь перекачанным гориллоподобным морпехом. Я фыркаю, стаскиваю шлем и потягиваюсь, разминая затекшие плечи. Даже у моего тела есть определенный лимит выносливости, ограничения проклятого Эр-Эл, будь он неладен. Думаю, я устал. И проголодался. И неплохо бы поспать. И потрахаться. В первую очередь, пожалуй, лучше бы даже именно потрахаться, чёрт его знает, когда представится ещё один шанс. Остаётся надеяться на то, что корабль не прыгнет ещё раз, пока мы с лейтенант-коммандером будем кувыркаться, это было бы совсем некстати. Не уверен, что смогу так просто вынырнуть во второй раз...

И тут меня накрывает. Голос Риз заставляет мое лицо скривиться в болезненной гримасе, и я рывком прикладываю пальцы к вискам, борясь с острым приступом ужасной мигрени. Свет режет по глазам скальпелем, шум, который издают двигатели, нарастает и становится просто невыносимым, а потом... потом меня отпускает. Проклятые воспоминания. Сейчас мне кажется, что я с удовольствием поменялся бы местами с птичкой, позволив мудрой и понимающей Сети уничтожить те кластеры моей памяти, которые не причиняют мне ничего, кроме неприятностей. То, что наверняка и так помню только я, из всех ныне живущих. К чёрту.

Я заглядываю в душевую, и испытываю двойственные чувства: с одной стороны, обнажённое тело Риз в клубах пара выглядит так же великолепно, как и раньше. Увидеть его и не завестись почти так же сложно, как закинуться чистейшим дермом и сохранить ясность мысли. Невозможно, одним словом. Но вот вид болезненно-алого следа от провода на тонкой, не по-солдатски хрупкой шее заставляет меня сглотнуть, а кончики моих пальцев — чуть дрогнуть. Я не знаю, что сделаю с этим ублюдком после того, как проверну намеченное. Я даже не уверен, что мне придётся что-то делать, в конце концов, для декера нечто подобное — значительно хуже смерти. Спасибо тебе, моя драгоценная дека, хранящая самое страшное оружие против таких, как я.

Я встряхиваюсь и широко улыбаюсь, проходя в крохотную душевую и на ходу расстегивая комбез.

Тай Риз.

Дежа вю. Я снова обнажена, а Эрик опять одет, и опять эта полоска голой светлой кожи там, где расходятся края застёжки. У рыжих очень белая кожа, а солнца он, похоже, не видел очень давно, бледен, как вампир, особенно в свете фонаря, отнюдь не комплиментарном. Отличие в одном: вместо голодной бездны в глазах Эрика я вдруг вижу, как он улыбается. И невольно улыбаюсь в ответ. Не буду я его расспрашивать о прошлом. Что посчитает нужным — расскажет сам. Да, я чёртов романтик. Мне нравится недосказанность, нравится некая дистанция в отношениях, этакий лёгкий налёт нуара. Когда каждое прикосновение — удар тока, когда ноги дрожат от одного поцелуя. Когда мужчина в моём присутствии расслабляется, чешет в трусах или в зубах ковыряет — искра гаснет, и я исчезаю. Молча, без объяснений. Видимо, я не создана для семьи, в том понимании, к которому привыкло большинство, для непритязательного уюта — а может быть, просто не созрела для этого. Знаю, многих обманывает мой образ рубахи-парня, но тем, кто на него ведётся, прямая дорога во френдзону, выхода из которой попросту нет.

Может быть, именно в этом секрет притягательности Чёрного Льда? То, что для меня он — загадка, нечто новое и непонятное? А может, всё проще: хорошим девочкам всегда нравились плохие мальчики.

В кабинке тесно, места едва хватает на то, чтобы вытянуть руку и коснуться противоположной стороны, а сейчас, когда внутри я и Эрик, пространство и вовсе скомкалось. Я прикрываю дверцу, горячий пар быстро наполняет кабинку, оседает на пластике и коже крупными каплями, которые щекотно стекают вниз, наши волосы мокрыми прядками липнут к лицу, завиваются тяжёлыми кольцами. Ладонь Эрика оставляет на белом перламутре комбинезона полоску грязи и... Я присматриваюсь: кровь? Хватаю его за запястье, разворачиваю тыльной стороной к себе. Господи... Перчатки на ладонях разодраны в хлам, кожа сорвана длинными полосами, не глубоко, но сильно, видимо, кровь запеклась, а сейчас отмокла. Откуда это? Ох, да откуда, если не от моей удавки...

Я молчу. Просто смотрю на эти следы, в слабом свете выглядящие почти чёрными. На левом запястье, там, где пульс, татуировка — малозаметная, светло-голубая, непонятное переплетение линий — иероглиф, что ли. Отпускаю руки Эрика, сама тяну вниз молнию его комбинезона. Я не хочу, не могу сейчас говорить. Благодарить нужно иначе, я прекрасно знаю, как, но помню, как он вздрагивал, когда я касалась его кожи, помню, как отстранял мои руки.

— Скажешь, если что-то будет не так?

Отстегнув магнитные застёжки перчаток, я осторожно, стараясь не зацепить ссадины, стаскиваю их с Эрика одну за другой. Крупные, костистые ладони, но кожа на них такая мягкая. Белоручка. Чёрт, я опять улыбаюсь.

— Хочешь, я всё сделаю сама?

Мне хочется стащить с него комбинезон, хочется увидеть его голым, хочется обласкать языком и пальцами каждый квадратный сантиметр этой белой кожи. Заниматься с ним сексом неспешно, смакуя каждый момент, томительно растягивая минуты. И в то же время — хочется отдаться ему прямо сейчас, упираясь спиной и пятками в мокрые стенки кабины, соскальзывая, смеясь сквозь мат, жадно и дико трахать его, метя его плечи вмятинами от ногтей, разукрашивая шею следами от поцелуев, такими же, как те, что оставили его губы. Я хочу его всего и по-всякому, много, долго, так, как угодно ему — или как пожелаю я.

Эрик Ланге.

Когда Риз хватает меня за запястье, я бросаю на свою ладонь, которую она так внимательно осматривает, неосторожный взгляд — и к моему горлу резким комком подступает тошнота. Мои... мои руки?... Я отмечаю, что мое дыхание становится рваным и сбивчивым. Надо успокоиться. Три. Один. Четыре. Семь... два?... В душевой кабинке тепло, облака поднимающегося пара делают свое дело, но меня колотит мелкой дрожью. Я не могу оторвать взгляда от глубоких, успевших покрыться корочкой засохшей крови царапин на своих ладонях. Мне хочется забиться в угол, скрючиться там и баюкать попеременно ладони, которые сейчас кажутся мне почти искалеченными. Они заживут, я знаю, но сейчас...

Почти невероятным усилием воли я отрываю взгляд от царапин и поднимаю его на Риз, силясь улыбнуться. Я хочу показать ей, что это ерунда, что ничего страшного не произошло и никаких причин волноваться нет. Не знаю, хорошо ли у меня получается, очень может быть, что и нет. В любом случае, я не хочу, чтобы она лишний раз из-за меня нервничала, тем более на фоне собственной травмы. Надо просто взять себя в... Собраться надо. Вдох. Вы-ы-ыдох. Вдох. Вы-ы-ыдох. Понемногу приступ паники начинает меня отпускать, и я поспешно переворачиваю руки тыльной стороной. Они заживут, а до тех пор я просто постараюсь лишний раз на них не смотреть.

Кончики тонких пальцев Риз тянут вниз застежку моего комбеза, и я почти не чувствую привычного резкого отторжения. Не знаю, почему — возможно, я просто устал. Возможно, я временно сенсорно перегорел из-за всей этой ситуации с ладонями. Возможно... возможно, я начинаю понемногу привыкать к осторожным прикосновениям лейтенант-командера. Она трогает меня очень... сосредоточенно, что ли, иногда мне кажется, что она покусывает губы и хмурит лоб от напряжения, будто каждая ошибка может обернуться тем, что я оттолкну её и сбегу через ближайшее окно. Все хорошо, Риз, я не убегу.

— Начни, а я продолжу.

Я определенно стал улыбаться заметно чаще — иногда мне хочется поддержать Риз, иногда мне хочется убедить её в том, что всё будет в порядке, а иногда — иногда она просто кажется мне милой и забавной. Кажется, с каждым часом, проведённым рядом, я всё меньше воспринимаю её, как офицера космолота, и всё больше — как обычную девушку, с которой мы могли бы жить в соседних квартирах, занеси её Сеть в Чиба-сити. Чёрт его знает, возможно, мы бы и не познакомились тогда, конечно, и каждый из нас был бы совершенно не тем человеком, какие мы сейчас — так что хорошо, наверное, что Риз не жила по соседству. Да, именно так.

Я опираюсь спиной на прозрачную стенку душа и улыбаюсь. Возможно, слегка натянуто, но улыбаюсь. С каждым мягким прикосновением Риз боль в ладонях отступает. Сейчас — сейчас мне просто надо отойти и прийти в чувство, хотя бы ближайшие пять минут я не буду делать ровным счётом ничего. А потом... А потом, зная Риз — у меня снова сорвёт крышу.

Тай Риз.

У него было такое странное выражение лица, когда увидел свои ладони... Будто до этого не знал, что с ними что-то не так, а сейчас впервые увидел кровь, вообще впервые. Он что же, не чувствовал боли? Я знаю, такое бывает с людьми: шок и нервное перенапряжение иногда выкидывают странные штуки. Взять хотя бы нашего коменданта в кадетском корпусе: рассказывали, как он почти полчаса пилотировал штурмовик, пока не закончился бой, и только на станции понял, что голова кружится не от усталости, а потому, что в ноге торчит здоровенный кусок переборки. Но всё же реакция странная. Может, боится крови? Что ж, у

всех свои фобии, то, что парень далеко не трус, мы уже выяснили. Но всё же об этом придётся поговорить, нужно знать такие вещи о человеке, которого судьба определила в напарники.

Потом.

А пока что мне, кажется, выдали карт-бланш, и я не я буду, если этим не воспользуюсь.

Потянув края расстёгнутого комбинезона Эрика в стороны, я провожу языком по его коже, тёплой и солоноватой. Губами собираю капельки воды, от ключицы к ключице, всё дальше отодвигая край одежды. Пока что я не коснулась его тела даже пальцем. Смотри, Эрик, я умею без рук!

Перехватить ткань на плечах, потянуть вниз. От ключицы губами — к плечу, задержавшись там, где плечо переходит в шею, чтобы поставить свой знак — теперь мы оба мечены сексом. Двумя руками стаскиваю вниз рукава, один, затем второй, не до конца — высвободив Эрика из одежды лишь до середины предплечий, комбинезон сковывает его движения, наверное, сейчас он чувствует себя беспомощным в моих руках. Эта власть опьяняет меня, кружит голову. Очень хочется насладиться ею, продлить этот момент, отбросить осторожность и... нет. Не время сейчас для подобных игр. Не дело надевать ошейник с поводком на позволившего себя погладить дворового кота, приручать таких нужно постепенно, второго шанса такие звери не дают. А потому я тяну комбез ниже, освобождаю Эрика от его цепкой хватки — пока до бёдер, потому что дальше ткань натывается на вполне ожидаемую преграду. До неё я ещё доберусь — потом. А пока... Подставив ладонь под встроенный в стенку кабинки дозатор, я выдавливаю в неё струйку мыла, растираю её между ладонями, взбивая в мягкую пену, и только теперь касаюсь плеч парня. Впервые нас не разделяет ничего.

— Всё в порядке? — спрашиваю шёпотом, осторожными движениями намазывая его плечи, готовая остановиться по первому же слову, но о-ой как же мне не хочется останавливаться... Ниже, к груди, по мокрой коже, избегая касаться сосков — не знаю, насколько они у него чувствительны, поэтому оставлю это на потом. Ещё ниже, по животу, чувствуя, как подрагивают мышцы под моими ладонями, к бёдрам, пробираясь пальцами под ткань — разумеется, она непромокаемая, она и воздух не пропускает, но теперь внутрь пробирается вода, впитывается в подкладку, отчего комбез липнет к телу, нужно наконец снять его окончательно. Ещё одно движение — и Эрик наг, как новорожденный. Приоткрыв дверцу, я ногой выпихиваю одежду наружу, выпуская волну пара, и тут же снова отсекаю наш маленький рай на белом облачке от суровой окружающей действительности.

Я перехватываю руки Эрика за запястья, припечатывая к стеклу кабинки, распиная его, прижимаю собой, всем телом, впиваясь в губы, приподнимаюсь на мысочки, так, что его член проскальзывает между моими бёдрами, касаясь стволом влажных створок моей ракушки, и целую, изошрённо лаская губы губами, проникая в его рот языком в такт движениям моего тела, впечатывая грудь в грудь, трусь по-кошачьи, скользя по мыльной коже, задаваясь только одним вопросом: долго ли он выдержит? Потому что я, кажется, уже теряю контроль. Эрик Ланге.

Мягкий, горячий язык Риз скользит по моей коже, слегка щекоча её дразнящими прикосновениями — она делает это довольно настойчиво, но без этого раздражающего ожидания похвалы в глазах. Терпеть не могу женщин, которые занимаются сексом так, словно делают одолжение, оказывают какую-то услугу, на которую ты, будучи джентльменом, обязан ответить аналогичной любезностью. Это превращает секс из чего-то грубого, животного, чего-то, позволяющего хотя бы на время отключить отвечающие за аналитику

участки мозга, в великосветское расшаркивание. Кажется, мы с Риз смотрим на это в примерно одинаковом ключе, и... ах, чёрт.

Губы лейтенант-командера прихватывают мою кожу, которая в этом освещении выглядит бледнее, чем у вурдалака, и оставляют на ней засос, почти сразу расцветающий нежно-лиловым бутоном. Или хотя бы полу, как нормальные люди — это, пожалуй, покажется нам экзотикой. Я послушно обхватываю Эрика ногами — скользкая стенка кабины не лучшая опора. Одной рукой обвив его шею, другую протискиваю между нами, ловлю его член, поражаясь, как это в прошлый раз во мне так легко уместилось. Приподнявшись, направляю этот инструмент наслаждения в себя, задержавшись, так, что головка едва касается моей плоти, ловлю взгляд парня, облизываю губы — да, немного дразню, а ещё это намёк на то, что я совсем не прочь в следующий раз попробовать его на вкус. Столько всего ещё хочется... Нет, мы просто обязаны выжить!

Плавным движением, томительным в своей медлительности, опускаюсь, вбирая член в свою скользкую мякоть, не сдерживая долгого стона удовольствия. Впустив его в себя до половины, приподнимаюсь, почти соскальзываю с влажным сосущим звуком — и тут же с силой, резко насаживаюсь почти до конца, вскрикнув от невыносимо сладкой боли внутри.

— Если хочешь войти в меня полностью, придётся помочь, — шепчу в самое ухо, прикусывая мочку, нежный, бархатистый кусочек плоти, который не хочется выпускать изо рта. Слова выходят неразборчивыми, а голос — вот сейчас моя придушенная хрипотца как раз впору, я мурлычу, самым настоящим образом. А хочу — кричать. Для себя, для Эрика. И для нашего психа. Пусть слышит: я жива. И мне сейчас и факт, и процесс доставляет определённо больше удовольствия, чем ему.

Эрик Ланге.

Головка моего члена мягко упирается в податливую, насквозь мокрую плоть Риз, заставляя меня несдержанно рыкнуть в её искусанные, приоткрытые в томительном ожидании губы. Её пальцы поглаживают меня, скользя по напряженным венам, придерживая и направляя — лейтенант-командер определенно хочет меня ничуть не меньше, чем я хочу её. Я перехватываю её немного удобнее, вжимая в стенку плотнее — теперь девушка никуда не денется до тех пор, пока мы оба не кончим. И, возможно, одного раза нам обоим окажется мало. Забавно, как перед лицом опасности в организме человека просыпаются дремавшие доселе внутренние резервы: слова про «по пять раз за ночь» — обычно пустое бахвальство, которым мачо-показушники клеят в дешёвых барах наивных первокурсниц, приехавших покорять Чибасити — не кажутся мне чем-то из ряда вон. Хочется протрахаться с Риз весь день, вымотать себя до абсолютного физического и эмоционального предела — а затем проспать сутки напролёт.

Риз резко опускается на член, видимо, решив, что она подразнила меня достаточно — и тут же обхватывает меня собой, плотно, горячо и явно не собираясь отпускать. Она крепко держится за меня, её сильные ноги скрещены у меня за спиной, и она медленно начинает двигаться — всё ещё медленно, всё ещё растягивая себя и давая себе время привыкнуть. От каждого движения её лоно издаёт влажные хлюпающие звуки — эти звуки настолько пропитаны животным желанием, что я теряю всякое желание хоть как-то сдерживаться.

Я крепко сжимаю соблазнительно подставленные округлости Риз, оставляя, возможно, ещё несколько следов страсти, будто бы предыдущего раза было мало, и откровенно насаживаю её на член — полностью, по самое основание, так глубоко, как она только может принять. В

каком-то смысле, эта ситуация заводит меня ещё больше, чем предыдущая — к дикой страсти и какому-то полусумасшедшему желанию бросить вызов верной смерти примешивается некоторая нотка... не знаю, обладания? Ощущения себя героем, с которым расплачивается собой благодарная спасенная принцесса? Риз, конечно, скорее капитан городской стражи, нежели принцесса, но тем не менее.

Раз за разом я то кусаю припухшие от постоянного над ними насилия губы, то жадно раздвигаю их своими собственными, заставляя лейтенант-коммандера сплетать свой язык с моим, оставляя между ними едва заметный мост из тонкой ниточки слюны, когда мы наконец разрываем поцелуй. Риз находится в страшно уязвимом положении — она не сможет вырваться, как бы сильно ей этого ни захотелось, и мысль об этом откровенно туманит мой рассудок, заставляя откровенно долбить девушку грубыми, сильными, почти жестокими толчками. У нас ещё будет время для нежного секса — если когда-нибудь идея такого извращения придет в наши головы, конечно — а пока нам нужно просто снять стресс и поблагодарить друг друга за всё, что мы друг для друга сделали.

Единственным способом, которым мы умеем.

Тай Риз.

Для меня это необычно — находиться в чьей-то власти. Сказала бы «полной», но, пока у меня свободны хотя бы зубы, не говоря уж о руках, я способна контролировать ситуацию в определённых пределах. И всё же это заводит. Быть слабой, зависимой, не брать, а отдаваться — это для меня ново, волнующе. В каком-то смысле Эрик сделал меня женщиной, нет, не физиологически, конечно — но он меняет меня внутренне, удивительным образом заставляя меня хотеть подчиняться его желаниям, а не навязывать свои. Я не помню точно, всегда ли я была альфой, я не помню своего первого мужчину, его образ скрыт в моём слепом пятне. Но точно знаю, что я не тот человек, кто решится отдать себя под чей-то полный контроль. Но Эрик... Возможно, ему бы я позволила больше, чем кому-либо ещё. Откуда во мне это доверие? Достаточно ли для него того факта, что этот человек дважды спас мою жизнь — или тут нечто иное, странное ощущение внутреннего родства, какого-то одного на двоих нерва...

И тут я понимаю. Гипер! Как сильно успели переплестись наши души, пока сплетались тела? Не воспринял ли некий над-разум, сотканный из обрывков потерянных жизней, нас как одного человека? Не оттуда ли мои странные, явно чужие обрывки памяти: кот, двор, солнечные пятна, сигаретный дым и поздняя осень? Ох... Всё могло быть хуже. Нас могло и впрямь перемешать, и мы бы превратились в сумасшедших, не отличающих того, что пережито реально, от заёмного, украденного, вложенного извне!

Это так жутко, что я опять ищу спасения в Эрике. В его губах, сцеловывающих мои стоны, в его запахе — новом, старый ушёл вместе с водой и пеной, и теперь я запоминаю этот. В его руках, ласково мучающих моё распалённое тело. И, разумеется, в его члене, вбивающем в меня ощущение жизни неистовыми, мощными толчками, от которых по телу разбегаются колюче-щекотные молнии. Ещё, пожалуйста, ещё!

Я больше не сдерживаюсь. Хочу ощущать его более полно, всем своим телом, и мне всё равно, приятны ли ему мои прикосновения. Прикусываю его шею, вылизываю её языком, с трудом сдерживаясь, чтобы не сомкнуть зубы ещё сильнее, чтобы ощутить во рту вкус его крови. А! Крепче обхватив ногами бёдра, ловлю ладонь, подношу к лицу, на миг перехватываю удивлённый взгляд — чёрт, да я удивлена не меньше! А потом припадаю к израненной коже губами, кончиком языка касаюсь ссадин, целую, как только что целовала губы, только

нежнее, боясь причинить боль. Поймав пальцы губами, обсасываю и облизываю их, щуря глаза, как довольная сытая кошка, чуть прикусываю, прижимая языком к нёбу, играю так, как играла бы с его членом, произвольно делая это в том же ритме, в котором движется во мне член Эрика.

А потом я кладу эту ладонь на мою грудь, накрываю своей рукой, маленькой и тёмной, и сжимаю пальцы, заглядывая в глаза. Лицо Эрика так сосредоточено и напряжено, будто сейчас я — его дека, и с моей помощью он пытается взломать это чёртово мироздание, чтобы потом построить новое. Я даже знаю, на что оно будет похоже — на его виртуальную реальность, густо приправленную мной.

— Сожми, сильно, — прошу я. Не знаю, почему, но я хочу боли. Может быть, чтобы придать ещё остроты и без того нашему отнюдь не пресному соитию. Может, потому, что боль делает наслаждение острее. Может, потому, что до конца не верю, что всё это действительно происходит со мной.

Эрик Ланге.

Риз вылизывает мою шею тёплым мягким языком — совсем не кошачьим, но это и к лучшему, кошачьи языки щекочут, сдирая верхний слой кожи, а нам это сейчас вовсе ни к чему, правда, птичка? Теплые струи воды сильно маскируют ощущения от прикосновений девушки, сглаживают тактильно-сенсорную перегрузку, и в ту секунду, когда она порывисто хватается моё запястье и касается ладони губами — я скорее удивлён, нежели испытываю отвращение и легкую панику. Следы от кабеля, отпечатавшиеся на моих руках, неприятно зудят и чешутся, когда на них попадают брызги, и прикосновение к ним губ Риз прошибает меня, словно я за этот самый кабель схватился, когда он был к чему-то подключен. Мощный удар электрического тока — по каждому из моих нейронов. Она касается самого уязвимого и важного участка моего тела — после члена, может быть, но тем не менее.

Лейтенант-командер космического флота, практически галактический герой, наверняка с кучей наград, блестящей карьерой — и зализирует кровавые ссадины беглому хакеру? Я хрипло смеюсь и подаюсь бедрами вперед ещё активнее, чувствуя, как совершенное женское тело, прижатое к стенке, принимает меня с каждой фрикцией всё охотнее и охотнее. Тело Риз будто создано для секса — сильное, но не чересчур мускулистое, хрупкое, но не болезненно-фарфоровое, податливое, но не тряпичное — такой женщиной хотел бы обладать каждый мужчина. И мысль о том, что сегодня ей обладаю именно я, заставляет меня вколачивать в неё член всё быстрее и быстрее.

Риз сосет мои пальцы — настойчиво, так, будто это совсем и не пальцы, и я почти жалею о том, что тогда, на челноке, не прихватил её за волосы и не поставил рывком перед собой на колени — интересно, много кто вообще может похвастаться тем, что трахнул в рот старшего офицера космофлота, м-м? Словно уловив мои мысли, девушка начинает полизывать два пальца, указательный и средний, в такт моим движениям — это сводит с ума, и я громко рычу, приподнимая её бедра так, чтобы головка едва ощутимо касалась насквозь мокрой не то от воды, не то от смазки щёлки — и тут же насаживаю по самое основание.

Я собираюсь было схватить её за грудь — властно, так, будто эта грудь принадлежит мне вместе со своей обладательницей, но лейтенант-командер и тут меня опережает. Она будто бы пытается перехватить инициативу, а это сейчас совершенно непозволительно, так что я, кажется, почти не слушая, что она говорит, с силой сжимаю её идеальную грудь, слегка тяну вверх и отпускаю. Где-то в глубине сознания ко мне приходит мысль, что она достаточно

большая для того, чтобы зажать между собой член, но я решаю оставить это на потом наряду с хорошим и качественным оралом. И почему-то я совершенно не сомневаюсь в том, что Риз ничего не имеет против анального секса. Боже, я же её затрахую!

Я откровенно лапаю её грудь, чувствуя жар, который источает её лоно, смешиваясь сознанием и с ним, и с поднимающимися в кабинке облачками пара. Я чувствую определённое... единение. Это приятное чувство, хотя и немного странное, необычное для Эр-Эл — уж не соединились ли во время прыжка какие-то наши частицы с Сетью, став деталями одного огромного, математически совершенного конструктора? Я не знаю. Все, что я знаю — это то, что я хочу трахнуть Риз так, чтобы экипаж пролетающих мимо в бесконечной пустоте кораблей синхронно вышел в открытый космос покурить.

Тай Риз.

Пальцы Эрика впиваются в мою грудь, мнут сильно и безжалостно, так, что я шиплю сквозь стиснутые зубы — но это именно то, чего я хотела. И, кажется, он хотел в точности того же? Во всяком случае, сейчас в его глазах нечто, заставляющее вспомнить о хищной птице, сцапавшей кролика. Определённо останутся синяки... В голове тут же возникает картинка: я сижу на кровати с широко расставленными ногами, а Эрик передо мной, на коленях, между моих бёдер, целует каждый оставленный на моём теле отпечаток! О боже... Эта фантазия так возбуждает, что томление, предвестник взрыва, нарастает скачком, я чувствую, что до оргазма мне осталось совсем немного... Получить его сейчас? Или попробовать что-то ещё, оттягивая разрядку, для того, чтобы потом кончить сильнее и острее?

Я не знаю, чего хочу больше — утолить голод или по-гурмански насладиться процессом. Я боюсь одного: мы ведь можем и не дожить до следующего раза. А я ещё столько всего не попробовала! Вряд ли успею за один раз претворить в реальность все те идеи, что одна за одной рождаются в моём одурманенном похотью мозгу, для этого нужно много времени, много доверия, и... Кое-какие предметы, которые я вряд ли найду на «нарвале». Интересно, шокировало бы Эрика то, что я хотела бы с ним сделать или позволить сделать ему, озвучь я свои грязные мечты? Почему-то мне кажется, что нет. Однако было бы забавно посмотреть на его лицо, когда я озвучу свои фантазии. А ещё интереснее — выслушать его.

Как же мне повезло родиться женщиной. В качестве компенсации за все страдания женского пола, начиная от месячных и заканчивая родами, судьба подарила нам способность испытывать оргазм столько раз, сколько мы захотим. К чёрту самоконтроль — я просто прикрываю глаза, прижимаюсь плотнее к Эрику и на несколько долгих и сладких мгновений полностью отдаю себя в его власть, забываясь, концентрируя всю себя, все свои нервные окончания внизу живота, там, где зреет тяжёлая, томная тяжесть, готовая вот-вот достигнуть критической массы и взорваться вспышкой оргазма.

— Держи меня, — успеваю простонать за миг до того, как тело выгибается в судороге наслаждения, я яростно дёргаю бёдрами, стараясь вобрать плоть моего любовника в себя так полно, насколько это вообще возможно. Счастье Эрика, что я не держусь за его плечи, а обнимаю за шею, иначе располосовала бы своими короткими, до мяса состриженными ногтями его нежную белую кожу. Хм, а потом бы слизывала проступившие капельки крови... Ах, чёрт, что за вампира он во мне разбудил?

Пульсирующая плоть моей щёлки сжимает член ещё плотнее, будто пытаюсь высосать из него семя. Ха! Дерзкая улыбка приподнимает уголки моих искусанных, огнём горящих губ. Наклонившись к самому лицу Эрика, я касаюсь лбом его лба, запалённо дыша в самые губы,

фокусирую плывущий взгляд на его зрачках, расширенных в полумраке так сильно, что радужка практически не видна. А какого цвета его глаза? Не помню... Нужно будет рассмотреть при свете, потом. А пока... Вытянув язык, обрисовываю им контур его рта, чуть раздвигаю его губы, медленно провожу между ними самым кончиком языка.

— Чёр-рный Лёд, тебе когда-нибудь отсасывал офицер космофлота?

Эрик Ланге.

Риз приоткрывает рот в той самой полной сладкого иступления гримасе, которую я так люблю видеть на женском лице, в её глазах уже нет ни грамма того обычного, слегка сумрачно-самоубийственного веселья, которое они выражают большую часть времени — теперь в них плещется бездонный океан чистейшей, незамутнённой похоти. Она отдается мне так горячо, так страстно и так бездумно, будто секс — всё, что сейчас ей нужно, всё, ради чего мы попали на этот корабль, будто бы всё, произошедшее сегодня — лишь долгая-долгая прелюдия, позволяющая нам раздевать друг друга взглядами, украдкой ловить тяжелое, надсадное дыхание, чувствовать удары тока от случайных прикосновений — всё это только ради того, чтобы забраться под горячие, почти обжигающие струи воды и раз за разом сплестать наши тела в единое целое.

Я чувствую, как бёдра лейтенант-командера напрягаются в моих ладонях, и наращиваю темп ещё больше — сравнительно недавний оргазм даёт о себе знать, и в этот раз мы кончим явно не синхронно. Ну, тем лучше — я же обещал её затрахать, так? Риз громко, развратно стонет, поскуливает, когда член входит очень глубоко, вскрикивает, когда я вхожу слишком резко — и в какой-то момент начинает подмахивать особенно жадно, растягивая свою истекающую соками щёлку до состояния, которое будет ещё как минимум пару дней напоминать о том, насколько хорошо мы провели время. На долю секунды меня посещает мысль о том, что я мог бы силой снять её с члена, вытащить из душевой кабинки и заставить умолять меня о продолжении, униженно потираясь о моё тело, утратив последние капли рассудка — но я решаю оставить это на один из следующих разов. Я просто обязан выжить — хотя бы для того, чтобы раз за разом устраивать с птичкой такие бешеные оргии, что от скачка напряжения на пару минут уйдет в оффлайн даже сама Сеть. Риз кончает — несдержанно, сильно, неосознанно кусая губы, когда мой член продолжает двигаться в её разгорячённом, все еще гиперчувствительном после долгожданного оргазма теле, она вглядывается в мои глаза — и понемногу в её зрачках появляется определенная осмысленность. Правда, совсем ненадолго — она как-то очень по-звериному ухмыляется, откровенно похотливо проводя кончиком языка по моим губам, затрагивая им практически оголённые нервы, заставляя меня ловить этот самый язычок зубами — да, тоже очень чувствительное место, но я не против, когда его трогает именно она.

Её шёпот бьет точно в цель — прямо по той идее, насчет которой я фантазировал совсем недавно, так что, черт побери, я не могу, да и не хочу терять времени. Я стаскиваю Риз со своего члена, перехватываю поудобнее и тащу в каюту, не удосужившись даже выключить воду. Мы мокрые, как чёрт знает что, но ещё бы я начал заботиться о том, чтобы не намочить простынки того больного ублюдка, который, скорее всего, когда-то в этой комнате обитал. Тело Риз мягкое, податливое и очень лёгкое — я отмечаю это уже не в первый раз, но полноценно держу её на руках я впервые.

И, чёрт, прости меня, птичка, но на хоть какое-то подобие прелюдии у меня уже не хватит ни сил, ни нервов. Я дотаскиваю лейтенант-командера до кровати и сравнительно мягко на неё

усаживаю — ну, хорошо, так мягко, как я сейчас могу. Она заметно ниже меня — и сейчас это дьявольски удобно, потому что подрагивающая, покрытая её же смазкой головка члена упирается девушке прямо в губы.

— Нет, хотя я и часто предлагал одному ублюдку это сделать, когда он отказывался отпускать меня в увольнение.

Хрипло смеюсь, краем сознания надеюсь, что не испортил атмосферы своей не вполне уместной остротой — и, просто в качестве небольшой гарантии, прихватываю Риз за мокрые волосы. Нет, лейтенант-коммандер, никуда не денешься.

Тай Риз.

Хвала и моё преклонение тому богу космоса, что надоумил конструкторов космических кораблей выбрать как стандарт гравитации восемь десятых g. И отдельная маленькая осанна судьбе, определившей мне родиться на станции — я житель пространства чёрт-те в каком поколении, так что при моём отнюдь не маленьком росте и не сказать чтоб хрупком телосложении вес мой здесь выходит всего-то килограммов сорок, и при желании Эрик может в прямом смысле вертеть меня на члене, как ему подскажет воображение. А ещё это позволяет мне не сползти на пол кабинки, когда мои бёдра превращаются в вату, а сама я — в подтаявшую порцию крема из хорошо взбитых сливок — сладкого, воздушно-лёгкого, текущего от жары и истомы и совершенно безвольного. О, дайте мне пару минут... Мне сейчас нельзя ногами на пол, я просто плюхнусь на него бесформенной кучей. К радости моей, Эрик это явно понимает, а потому продолжает прижимать к себе бережно, но крепко. Судя по вспышке похоти в глазах, по тому, как он втянул воздух приоткрытым ртом, как сжал мои ягодицы, ему очень нравится моя идея насчёт знакомства его члена с моими другими губами. А мне определённо нравится, когда меня носят на руках. Не так уж часто такое обламывалось, попросту было негде и некогда — вряд ли я бы позволила так обращаться с собой на глазах сослуживцев, а я, увы, практически всегда нахожусь у них на глазах, служба есть служба, и все мои коротенькие романчики так или иначе с ней были связаны — не считая тех, что были до, но и тогда я была кадетом, одной из лучших на курсе, птичкой, собирающейся взлететь очень высоко. Ха, мне кажется, я всю жизнь проходила в форме. Так что да, приходилось держать лицо. А сейчас... Сейчас меня волокут на руках, как законную добычу, и мне это охренеть как нравится. Не заиграться бы, так я, похоже, уроню свой статус в глазах Эрика так низко, что ему только и останется, что вытереть о него ноги... Бо-оги, какой статус, о чём я думаю? Вот уж впиталась в кровь субординация. Он мужчина, я женщина, для распределения ролей — более чем достаточно!

Вода в душе продолжает шуршать, из открытой двери в ванную комнату валит белый пар, подсвеченный фонарём, когда мы вваливаемся в отсек, оставляя на полу целые лужи воды. И это я, Риз, существо, более чем наполовину состоящее из правил и протоколов, и ещё процентов на двадцать — из традиций, в том числе флотских. Экономь воду, закрывай двери, не оставляй ничего из вещей на открытых поверхностях — необходимые для выживания основы жизненного уклада, впитанные с первыми глотками материнского молока, моя основа наравне с мясом и костями, безусловные рефлексy. Но сейчас я разом забываю их все, чувствую себя чуть ли не преступницей, но это наполняет меня какой-то лёгкостью, будто в крови полно пузырьков от шампанского. Мама ама криминал! Что ж ты творишь со мной, Эрик!

А Эрик меж тем опускает свою добычу на постель, подносит свой член к моему рту, ожидая

исполнения предложенного, ещё и волосы прихватывает, видимо, в качестве дополнительной гарантии. Я фыркаю в ответ на шутку, обдавая член горячим воздухом, во рту так сухо, что моё дыхание, наверное, похоже на пустынный ветер. Вся моя влага, кажется, ушла вниз, наполнив мою щёлку. Надеюсь, появится в процессе, мне это будет нужно, потому что я собираюсь продемонстрировать Эрику пару приёмов, для которых мне понадобится смазка. Значит, начнём осторожно. К такому размеру нужно привыкнуть. Жаль, не могу рассмотреть толком, подсвеченный со спины Эрик — чёрный силуэт на фоне дверного проёма, сочащегося паром. Чёрт, есть в этом зрелище нечто инфернально прекрасное.

Кончик моего языка касается гладкой головки, покрытой моей смазкой, пряной и чуть сладковатой на вкус, скользит по кругу, пробегает по окантовке, щекоча чувствительные местечки под набалдашником этого жезла похоти. Рука обхватывает ствол ближе к основанию, тянет нежную кожицу, сомкнутые губы касаются верхушки головки в целомудренном поцелуе, раздвигаются, когда я вбираю член в рот, пристраиваю кончик языка на головке мягким щупальцем, и начинаю двигаться — пока неглубоко и быстро, отталкивая член языком каждый раз, когда подаюсь назад, двигая рукой в противоположном направлении, будто растягивая мою игрушку. Глаза мои полуприкрыты, ладонь свободной руки ложится на низ живота Эрика, слегка надавливает, царапает кожу короткими ноготками. Это только начало...

Эрик Ланге.

Белоснежные простыни моментально намокают, когда на них опускается разгорячённое смуглое тело, по плечам которого стекают тонкие струйки воды, скользя по ложбинке между грудей. Как ни смешно, в таком положении Риз выглядит невероятно органично: пожалуй, так же органично, как и за штурвалом многотонного космического корабля. Такие девушки, как лейтенант-коммандер, не созданы для домашнего уюта, засаленных халатов и бигудей на голове, нет, добрый сэр — они созданы для яростных битв, удивительных приключений и бешеного секса. Мне в голову приходит одно сравнение, и я шепчу, наблюдая за тем, как Риз нарочито медленно высовывает кончик языка, еще не касаясь им головки, не то дразня, не то изучая воздух вокруг него — так, как это делают змеи:

— Валькирия.

Не то чтобы корабль напоминал Вальхаллу, конечно, и не то чтобы я хоть каплю напоминал викинга. Не уверен, что вообще смог бы поднять эти их здоровенные секиры, не говоря уже о том, чтобы метать их во вражеские щиты, с диким ревом кидаясь грудью на холодную сталь вражеских клинков. Да мне, по большому счету, и не хочется — единственное создание в мире, на которое я сейчас хочу кинуться, сидит у меня между ног, похотливо раздвинув идеально гладкие, сильные бёдра и едва ощутимо облизывая мой член. Я до боли прикусываю нижнюю губу — великая Сеть, как мне мало этой женщины! С одной стороны — мне хочется резко потянуть её за волосы на себя, подаваясь бёдрами вперед и проталкивая член глубоко в её горло, так, чтобы, когда я её отпущу, между высунутым языком и головкой пролегла поблескивающая под нейтрально-ровным искусственным освещением ниточка слюны. С другой стороны — я не хочу торопиться. Я уже постарался для того, чтобы она кончила, так что будет только справедливо, если теперь именно она немного поработает во имя моего блага. Риз медленно заглатывает мой член, и все мысли моментально куда-то пропадают. Черт, да откуда такие умения-то? всю жизнь думал, что нет больших брёвен среди женщин, чем штурмовики, офицеры и полицейские, да и вообще — что сексуальными они

бывают исключительно в дешевой порнухе, чём-то вроде «Путешествие в чёрную дыру-2» или «Глубокая Галактика-8», но нет — Риз старательно развенчивает мои предубеждения, отсасывая у меня настолько божественно, что по сравнению с ней блекнут лучшие шлюхи Чибасити. Возможно, это не то сравнение, которое она хотела бы услышать, конечно, но факт остаётся фактом. Её язык жадно скользит по головке, а пальцы свободной руки слегка поцарапывают низ моего живота, и почему-то я совершенно уверен в том, что, попытайся я сейчас отстраниться — чёрта с два она бы мне дала. Бывают такие звери, которые не отпускают добычу, единожды в неё вцепившись.

Тай Риз.

Валькирия... Я не сразу вспоминаю, что значит это слово, хотя оно звучит странно знакомо. Кажется... Точно, дева-воительница из каких-то древних мифов планеты-прародительницы. Утаскивающая павших на поле битвы героев в рай. Такой себе накачанный вооружённый ангелок. Да, пожалуй, есть сходство.

Но сейчас я скорее гурия — тоже райский персонаж, но с совсем иными функциями. Нежная дева, чьё предназначение — дарить мужчине удовольствие. Пожалуй, я и внешне ближе к этому типу — смуглая, гибкая, темноволосая и темноглазая. Во мне намешано много кровей, но восточная в этом коктейле определённо доминирует. Хотя... Гурии же девственны. А я — нет. Более чем нет. У меня достаточно опыта, чтобы удовлетворить даже очень искушённого мужчину. Любопытно, а Эрик — насколько он искушён, избалован ли женским вниманием? Он красив, по-своему, разумеется — если вам нравятся бледные планетарчики с плохой стрижкой, малоэмоциональным лицом и глазами, полными тьмы. Но я сильно сомневаюсь, что такие, как он, способны на долгие серьёзные отношения... Ха, куда меня несёт? Я ведь думала совсем не о том. Да и вообще, время ли думать?

Мой рот становится влажным — когда головка касается основания языка, включаются естественные рефлексы организма. Глупое тело реагирует на предмет во рту как на пищу, готовясь проглотить этот лакомый кусочек. Что ж, если я выдержу и не сорвусь, умоляя вставить мне снова, возможно, оно получит свою порцию калорий.

Я люблю секс. Люблю по-настоящему, во всех его проявлениях, кроме, разве что, совсем уж извращённых. Мне приятен вкус смазки на языке, моей и Эриковой, приятно ощущение, возникающее, когда головка члена касается моего горла, и когда она трётся о ребристое верхнее нёбо. Нравится запах кожи, свежей, только что из душа, как сейчас, пахнувшей мылом — но и другой запах, разгорячённого сексом мужского тела, покрытого испариной, я люблю тоже. Нравится ласка, лёгкие, почти неощутимые касания пальцев, к которым нужно прислушиваться кожей, как к отдалённым звукам музыки — но и когда те же пальцы впиваются в плоть, мнут, будто пробуя на прочность или пытаясь проникнуть внутрь, поиграть на струнах моих нервов напрямую, нравится тоже.

Я убираю руку с члена, чуть отталкиваю Эрика назад, а сама тянусь следом, приподнимая подбородок. Хочу его глубже, в самом моём горле. Это рискованная игра, слишком свежи в моём теле воспоминания о недавнем удушье, но... Я хочу. Вдохнув, я кладу ладони на бедра Эрика, вдавливая пальцы в прохладную плоть ягодиц, и с усилием проталкиваю член глубже, чувствуя, как сопротивляется вторжению горло, как сжимается в спазме, так похожем на тот, в котором вздрагивают мышцы вагины во время оргазма — похожем, конечно, для Эрика, мои ощущения совершенно иные, извращённо-привлекательные, несколько болезненные, но... возбуждающие. Настолько, что я беспокойно ёрзаю на койке, а потом и убираю одну

ладонь с бедра парня, пристраивая её у себя между ног, сдавив мягкую влажную плоть. Отстраняюсь, дыша часто, глубоко и шумно, но не выпуская член изо рта, обдавая его горячим воздухом. Интересно, смогу ли я его принять полностью? Вряд ли... Иначе он пощекочет мне ключицы изнутри...

Обсасываю член, как самый вкусный в мире леденец, с неприличными звуками, от которых хочется глупо хихикать, как школьница, впервые видящая мужской орган в три дэ. Жду, пока успокоится буря внутри, а потом снова надеваю горлом на член, притягивая Эрика ближе, прикрыв глаза, из которых всю льют слёзы. Ну и вид же у меня сейчас, наверно... Не хватает разве что потёков туши для ресниц — для полноты образа шлюхи. Но... Изображать принцессу я умею куда хуже. К тому же, полумрак, окружающий нас, милостиво прячет лишнее, преподнося всё в романтическом флёре рассеянного света, так похожего на тот, что бывает от луны.

Хотя, откуда бы мне знать, как он выглядит, такой свет?

Эрик Ланге.

Риз насаживается на мой член горлом ещё до того, как я успеваю понять, что она вообще собирается сделать — определённое благородство мне не чуждо, и я точно не стал бы пытаться засадить поглубже в глотку женщине, которую сравнительно недавно едва не задушило насмерть, но, раз уж она сама проявляет инициативу... Ощущение слюны, стекающей по стволу члена туманит мой рассудок, и я поудобнее прихватываю девушку за волосы. Если лейтенант-коммандер строит карьеру с таким же энтузиазмом, с каким трахается — я не удивлен, что она заслужила такой высокий ранг так быстро. Я властно тяну девушку за волосы от себя, заставляя отстраниться и выпустить член изо рта. Ну, думаю, я дал ей проявить достаточно инициативы, так?

Долю секунды я люблюсь Риз — приоткрытый рот, мелкие пузырьки слюны на языке — при таком освещении их толком-то и не видно, но я более чем уверен, что они там есть.

Искусственное освещение придает происходящему определенной... нереальности, и мне это чертовски по душе — это ставит нас с лейтенант-коммандером на одну чашу весов. Дыхание Риз настолько горячее, что почти обжигает — и я медленно, очень медленно начинаю насаживать её ртом на член. Не особенно глубоко, конечно — я ещё не растерял последние капли здравого смысла, как бы она ни была хороша — после такой травмы злоупотреблять её глоткой было бы откровенным преступлением, так что пока я просто наглядно демонстрирую ей, что, пока мы не выберемся с этого треклятого корабля — несмотря на все свои награды, она принадлежит мне.

И судя по всему, она совсем не против. Широко раздвинув ноги и время от времени несдержанно, хрипло рыча, я откровенно трахаю горло Риз. С каждой секундой я немного увеличиваю частоту фрикций, благоразумно не заходя дальше примерно половины члена — следить легко, губы Риз оставляют прекрасно ощущаемое колечко слюны. Член болезненно напрягается, готовясь извергнуть в неё новую порцию спермы — и лишь колоссальным усилием воли у меня получается удержать себя на прежней глубине проникновения и давать девушке сделать пару-тройку жадных вдохов, прежде чем я вновь принуждаю её вернуться к незаконченному делу. Ещё несколько быстрых, горячих толчков — и я издаю громкий гортанный рык, спуская Риз в рот и даже не думая отпустить её до тех пор, пока она не проглотит каждую долбанную каплю.

Тай Риз.

Если так продолжится, психу ничего и делать не надо будет, просто прийти и брать меня тёпленькой, потому что я не то что драться, я и уйти не смогу. Откуда во мне такой голод? Внутри болит, ноющей тупой болью хорошо растряханной щёлки, но эта ненасытная просит ещё! Вот уж действительно, как в последний раз...

Член во рту обретает каменную твёрдость, предупреждая: сейчас будет взрыв! На миг я задумываюсь, куда этот взрыв направить, но потом предоставляю выбор Эрику. Если хочет, пусть испачкает меня своим семенем, пометит, как это любят делать самцы, брызгами спермы, оставляя на мне свой запах — сколько бы мы не эволюционировали, но остаёмся отчасти животными, и я не вижу в этом ничего плохого. Если же решит накормить меня... Почему нет? Я готова не просто проглотить, но и высосать всё до последней капельки — принять этого мужчину в себя и таким способом. Такой себе вампиризм, ха! Эрик выбирает второе, удерживает меня за волосы, ускоряя движения — я чувствую, как они становятся рваными и резкими, и на всякий случай упираюсь ладонью в его живот, готовая оттолкнуть, если он потеряет контроль и захочет насадить меня полностью. Возможно, однажды я попытаюсь. Мне и самой этого хочется, с ним я готова на очень смелые эксперименты, но не сейчас, за этот день я достаточно поиграла в догонялки со смертью, и она не ушла достаточно далеко, я слышу её холодное дыхание позвоночником — или это сквозняк? Ох, а заперли ли мы дверь? Нас, мокрых, слившихся воедино, сейчас можно убить одним выстрелом из шокера так же просто, как прихлопнуть москита. Хотя... Если наш псих хотя бы отчасти мужчина, он не станет прерывать такое шоу. От мысли о том, что за нами могут наблюдать, я вдруг возбуждаюсь, и это не просто удивляет — изумляет меня. А ведь я не то что целоваться на людях — даже за руку держаться себе никогда не позволяла!

В горло бьёт струя спермы, я задерживаю дыхание, напрягаюсь — в таком состоянии мужчина мало что соображает, сейчас он весь тут, внизу, в своих ощущениях, а я для него — лишь инструмент наслаждения, не более. Хотела бы я видеть его лицо сейчас... Какой он — блаженно-расслабленный, сосредоточенно-напряжённый, или отстранённый, с плывущим взглядом этих своих сумасшедших глаз с расширенными зрачками? Его тяжёлое, прерывистое дыхание, сдавленный тихий стон — лучший комплимент моим стараниям. Интересно, смогу ли я однажды заставить его кричать от наслаждения? Хотелось бы... Он скуп на эмоции, но если очень, очень постараться...

Мой рот заполнен, я сглатываю густое солоноватое семя, обсасываю чуть обмякший член, не торопясь выпускать из мокрого тепла моего рта — осторожно, почти нежно, прикрывая глаза от удовольствия, чувствуя, как вздрагивают под моими пальцами мышцы Эрика. Ладонь моя машинально поглаживает его бёдра успокаивающим жестом. А ведь он контролировал себя даже в момент оргазма, оберегая меня от себя самого...

Отпустив член, я утыкаюсь лицом в живот парня, переводя дыхание, обнимаю его за бёдра, чувствуя биение его колотящегося сердца. Я обессилена, выжата, и, хотя внизу живота опять нарастает беспокойная щекотка возбуждения, я не в силах сейчас делать хоть что-нибудь, чтобы её унять.

Шум в душевой прекратился — видимо, сенсоры там всё же работают. Где-то там валяются на полу наши комбинезоны, единственная одежда. Где-то там горят, безрассудно тратя заряд батарей, наши фонари. Где-то бродит сумасшедший... Всё это — неважно, вне. А здесь... Здесь уютно и тихо. Тишину нарушает лишь наше дыхание, постепенно успокаивающееся — Эрика, и моё — глубокое, прерывистое, возбуждённое. Нет, я не смогу сейчас остановиться. Глеющий

огонь внутри не гаснет — разгорается.

— Эрик... Мне нужно ещё.

Эрик Ланге.

Я воспринимаю каждое прикосновение умелого язычка Риз к моему члену до болезненного остро, так, будто она сейчас облизывает мои оголенные нервы. Ну, на самом деле это не так уж далеко от истины: обычно сразу после секса я сбегаю покурить на ближайший балкон. Сенсорная перегрузка — штука мощная и весьма неприятная, да и отношения с людьми может сильно подпортить. Сложно, знаете ли, объяснить девушке, с которой ты минуту назад сплетался в страстных объятиях, что сейчас ты охотнее съел бы упаковку запечённых в шоколаде кольчатых червей, нежели вытерпел хоть ещё одно её прикосновение. И дело тут не в том, что ты грязный негодяй, который воспользовался молодостью, наивностью и невинностью — нет, тем более что обычно ни первым, ни вторым, ни тем более третьим у моих партнерш и не пахнет — если мы говорим не о Риз, конечно. Я всё ещё затрудняюсь хотя бы примерно определить, сколько ей лет, хотя и очень может быть, что она несколько младше меня. Сейчас, при неверном искусственном освещении, я бы и вовсе дал ей... ну, двадцать? Двадцать четыре? Я прекрасно знаю, что лейтенант-коммандером в такие годы не стать при всём желании, но и больше дать не могу.

Риз медленно, с явной неохотой не то что отпускает — скорее уж снимает саму себя с члена и утыкается лицом мне в живот, обжигая кожу горячим, прерывистым дыханием. Каждую клеточку её тела бьет мелкая дрожь — я это прекрасно чувствую, так что мягко касаюсь встрепанных волос, оглаживая их, словно пытаюсь хоть как-то их поправить или собрать хоть в какое-то подобие нормальной прически. Первое прикосновение обжигает так, будто я попытался схватиться за пламя работающей ацетиленовой горелки, но у меня получается перебороть себя и продолжать гладить. И через три или четыре таких осторожных поглаживания перегрузка неожиданно проходит сама собой, заставляя меня удивленно моргнуть, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет, ничего. Будто бы и не нужно мне теперь пытаться резко увеличить дистанцию со всем окружающим миром. Странное дело. Я собираюсь было сообщить об этом удивительном феномене Риз, но следующая её фраза совершенно сбивает меня с мысли.

Она хочет еще? Нет, ничего удивительного, конечно — она сильная, здоровая молодая женщина, но такая-то ненасытность в нынешних обстоятельствах... Я невольно начинаю заводиться снова от одной мысли о том, что она, чёрт побери, может вытворять — или и вытворяет? — в более безопасных и располагающих к хорошему, качественному траху ситуациях. Думаю, я был бы не прочь расспросить её об этом как-нибудь, когда выдастся свободная минутка, в которую в нас не будут стрелять, душить кабелями, сжигать соплами, размазывать транспортниками и делать великое множество других не менее неприятных вещей. Я ещё спрошу — а лучше выясню на практике — но пока я просто подхватываю лейтенант-коммандера под бедра и мягко помогаю встать.

— Ещё? Заслужила.

Я жадно накрываю её губы своими — никаких предубеждений о том, что теперь они стали грязными или какими-то не такими, боже, о чём вы вообще? — и касаюсь её языка своим, подразнивая прикосновениями. Риз и вправду прекрасно поработала — значит, если ей хочется ещё, можно предоставить ей и выбрать, как мы будем развлекаться теперь. А то в самом деле, всё я да я, хе-хе.

Тай Риз.

Этот поцелуй говорит мне больше, чем любые слова. Ведь Эрик сам поцеловал меня, я бы сейчас не решилась. Такой тест проходят с достоинством далеко не все мужчины, коснуться губами рта, в котором только что побывал их член и семя, для большинства неприемлемо. Не скажу, чтобы меня особо оскорблял такой подход, хотя какая-то тень в душе после такого отказа поселяется неизбежно. А потому я предпочитаю просто не проводить таких проверок — к чему? Всё равно мои отношения, если я, конечно, ничего не забыла, не длились дольше трёх месяцев. Кстати! Вот именно, что не помню. А ведь вполне может быть, что я замужем... Эта мысль так неожиданна, что я даже замираю на несколько секунд, лихорадочно сканируя архивы своей памяти в поисках хотя бы намёка на ответ. Да нет, пусто. Последние несколько часов, начиная с прибытия на базу, я помню прекрасно, не думаю, что ни разу не подумала бы о важном для меня человеке, отправляясь в самоубийственную миссию. И понимание это приносит облегчение. Что странно, кстати. Потому что дело не в чувстве вины...

Я отвечаю на поцелуй, теперь — без той жадности, что ещё недавно заставляла впиваться в губы. Мой первый голод утолён, время смаковать удовольствие, а не отхватывать его кусками. А ведь Эрик больше ни разу не отстранил меня, как в первый раз. Я поняла это только сейчас. Если вспомнить, было несколько моментов, когда он будто зависал, прислушиваясь к себе, как это делаю я, обнаруживая очередную дыру в моей голове. Но не более того. Это моя заслуга? Что это — доверие, или же его тоже переключил гипер? Хочется, чтобы верным оказался именно первый вариант...

Ноги, как ни странно, держат, хоть и не особо надёжно, но я всё равно обнимаю парня за шею,